Леонид Кудрявцев

Защитный механизм

Леонид Кудрявцев

Защитный механизм

«Автор»

Кудрявцев Л. В.

Защитный механизм / Л. В. Кудрявцев — «Автор»,

Человечество стремительно движется к концу, грозя, к тому же, уничтожением всему живому. И тогда природа включает защитный механизм: происходит хроноклазм – смешение всех времен. Теперь на улицах городов можно встретить мушкетеров, ссорящихся с викингами, герцога, осаждающего машиностроительный завод, и оборотней с динозаврами… Но если отвергнуть предложенный природой выход, не включится ли другой защитный механизм?

© Кудрявцев Л. В.
© Автор

Леонид Кудрявцев
Защитный механизм

Зов пришел слишком рано. Некоторое время он сидел на камне у входа в пещеру Друхха, терпеливо ожидая, когда тот проснется. Вообще-то, Друхх всегда вставал с восходом; но сегодня восход встал раньше и радовался этому целых пять минут.

Проснувшись и услышав, что пришел зов, Друхх некоторое время боролся с сомнениями. Одно он победил хитрой подножкой, другое ударом в солнечное сплетение, третье хуком в челюсть, в лучших традициях портовых драк. И тогда зов, облегченно вздохнув, ворвался в пещеру, наполнив ее по самый потолок гулкими барабанными ударами, вареными камнеедами, старыми байками, каллиграфически выписанными словами «Свобода», пиликаньем цыганской скрипки и страхами пятилетних мальчиков.

Друхх вдохнул побольше воздуха и, в последний раз кинув взгляд на зеленую долину, где находилась его пещера, на восход с высунутым в его сторону языком, стал медленно исчезать, успев на прощанье пожелать, чтобы пещера находилась одиноким путникам не реже двух раз в год, зеленая долина не смела играть в карты на протекавшую через нее речку, а восход осуществил свою заветную мечту и стал восвыходом.

Заинтересованно поглядывая и строя глазки, прошло время. А Друхх все проваливался и проваливался в другое измерение, чувствуя себя тысячеротым, тысячеглазым и тысяченосым монстром, который умудряется проделывать одновременно тысячи дел: дышать, есть, спать, умирать и возрождаться. И все это с одной лишь мыслью о том, какую прекрасную шутку разыгрывает с людьми смерть, подсовывая им, в надежде, что кто-то умрет не до конца, длинный туннель, ослепительный свет и прочие дешевые штуки.

Бункер был большой и старый. Харлам лежал на деревянных нарах, рассеянно разглядывая неровные стены, на одной из которых была прилеплена картинка с пышной блондинкой, занимавшейся какими-то сомнительными делишками. Снаружи грохотал гром.

«Интересно, что будет на этот раз? – подумал Харлам. – Хорошо бы, как вчера – ванильные пирожные, а то ведь опять посыплется всякая дрянь: старые, вышедшие из употребления учебники географии, картофельная шелуха, ржавые костыли…»

Он потушил окурок и закрыл глаза.

Самым лучшим дождем был дождь, шедший на прошлой неделе. Тогда с неба падали бутылки пльзенского пива. Вот это дождь! По всему городу шел звон, осколки бутылок впивались в стены, а по тротуарам текли настоящие пивные реки. Потом, когда дождь кончился, все высыпали на улицы и стали черпать из этих рек и ручьев чем попало: ведрами, чашами, макитрами, пустыми цветочными горшками и пили, пили, пили… И ничего страшного не случилось. Все остались очень довольны. Только сотни две татаро-монголов спьяну стали штурмовать Пентагон, но там ребята сидели не промах и так им дали прикурить, что из степняков махом вылетел весь хмель и они, отказавшись от своей затеи, ускакали.

Харлам встал, пошуровав в печке, подбросил несколько обломков тяжелого викторианского кресла, да так и остался сидеть. Ему было приятно чувствовать исходящее от печки тепло и неторопливо думать о том, что он здесь уже две недели и за это время хроноклазм раздвинулся километров на сто, а завтра снова отправляться в путь, до цели осталось совсем немного, дня два-три, не больше.

Дождь за окном набирал силу. Слышно было, как он колотит по стенам бункера. Кстати, слишком уж сильно. Нет, ванильными пирожными здесь и не пахло. На бутылки с пивом или кока-колой тоже совсем не похоже. Скорее всего, падало что-то железное.

Заинтересовавшись, Харлам подошел к стене и, открыв амбразуру, посмотрел наружу.

Вот это да!

С неба падали ножи. Кривые и прямые, засапожные, сделанные из старых напильников хулиганские финки, трехгранные, богато украшенные золотом и бриллиантами дамасские кинжалы, морские кортики с клеймом волка, широкие грузинские кинжалы в украшенных серебром ножнах и еще, и еще… А потом дождь стал гуще и с неба посыпались короткие римские мечи, скифские акинаки, мексиканские мачете и малайские крисы, казачьи шашки и турецкие сабли, гибкие ятаганы и самурайские мечи, большие двуручные, с прямыми гардами и с гардами в виде чашечки с пропилом, чтобы захватывать и ломать мечи противников.

Харлам вздохнул и, плотно закрыв амбразуру, ушел на нары. Он закурил очередную сигарету и, разглядывая фотографию с проказницей блондинкой, стал вспоминать Крез, которая, очевидно, сейчас и думать о нем забыла, а нежится себе на каком-нибудь уютном пляже, подставляя солнцу шоколадное, до безумия красивое тело.

Глаза ее мечтательно закрыты, а губы слегка улыбаются, хотя, если приглядеться, видно, что это не полуулыбка Джоконды, а просто такой рисунок губ. И вокруг Крез уже отираются несколько атлетически сложенных самцов, каждый из которых мечтает хотя бы о взгляде или жесте, не говоря уже о большем. Ах, вот если бы она разрешила кому-нибудь понести за ней туфельку! Пусть на четвереньках, пусть в зубах, но чтобы – улыбнулась! Любой из этих идиотов с радостью согласится. А остальные будут завидовать страшной завистью и от ревности рвать на себе волосы, катаясь по песку.

Харлам вздохнул и вспомнил двух молодчиков, которым переломал ребра перед отправлением сюда. Вот дураки! Неужели они ничего не понимают? Может, он вообще зря их так? Ну уж нет, определенные границы переходить непозволительно никому. Так им и надо. Впрочем, чего это он?

Харлам поплотнее запахнулся в старое дырявое одеяло, найденное здесь же, положил автомат поудобнее под руку и еще раз посмотрел в сторону двери, заваленной ящиками, и, прикинув, насколько надежна баррикада, выбросил окурок в сторону печки.

Вот и все, можно уснуть. А завтра… Ему опять вспомнилась Крез, и он даже успел подумать о том, что, вернувшись, разведется с ней обязательно.

Образцовый оборотень не должен быть любопытен. Вся его жизнь состоит из нескольких несложных действий: унюхал, погнал, разорвал, сожрал и снова в спячку. А все, что сверх – плохо кончится.

Катрин это знала хорошо, но все же, черт возьми, так иногда хочется, особенно после дождя, когда по улицам еще бегут ручьи, а воздух чист и свеж, красться по улицам, заглядывая в каждую щель, внюхиваясь в каждый запах в надежде найти что-то совсем невиданное и непонятное.

Вот и сейчас она неторопливо бежала по пустым улицам, поглядывая на неправдоподобно огромный глаз луны и внюхиваясь в пропитанный грустью уходящего лета воздух. Ей казалось, что, если посильнее оттолкнуться, то можно взлететь мимо окон с выбитыми и целыми тускло поблескивающими в лунном свете стеклами, подняться в черноту неба, подчиняясь притяжению этого голубого, изрезанного шрамами диска, вверх… к нему…

Она остановилась возле синей вывески, на которой красными буквами было написано «Общепит», послушала, как из-за окованной железом двери доносится радостный хохот, бренчанье разбитого пианино и пьяные голоса, горланившие старинную песню:

Последний лист дрожит на клене,
Слеза разлуки, ах, горька.
Звезда горит на небосклоне —
Звезда прощанья на века.
Не унесут нас больше кони
В плен лунных плесов ивняка.

Звезда горит на небосклоне —
Звезда прощанья на века.

Она царапнула дверь. Да, куда уж там, только когти зря поломаешь. И где они такую прочную дверь взяли? Вот ведь незадача. А то, что отсюда никто до рассвета ни под каким видом не выйдет, это уж точно. Немного повыв от разочарования на луну, она еще раз понюхала воздух и неслышной серой тенью скользнула дальше.

Промелькнул искореженный, напоминающий изготовившуюся к прыжку кобру, фонарный столб. На его металлическом теле оседала ночная роса. Вокруг разбитого плафона, едва не задевая его крыльями, кружились молоденькие археоптериксы. Впереди был туман. Он уже затянул половину улицы плотной белесой пеленой, медленно поглощая дом за домом, квартал за кварталом.

Волчица нырнула в него, на некоторое время оказавшись в мире размытых очертаний, холодного мокрого воздуха и загадочных, искаженных звуков. Бесшумно летела она по мостовой, минуя дом за домом, а когда выскочила в ясную и спокойную ночь, облегченно вздохнула. Справа виднелось здание, на стене которого была нарисована вывеска издательства «Пролетай».

Она понюхала воздух, ощутив сразу тысячи запахов, каждый из которых что-то означал, был понятен и знаком, добавлял штрих к этому странному, казалось, заснувшему миру, тем не менее, наполненному жизнью до предела. Надо только уметь ее учуять. Она чувствовала, как сквозь запах страха и безразличия, а также едва уловимый запах спокойного сна просочился немногим более явственный запах спрятавшейся добычи.

Она снова судорожно принюхалась.

Нет, эта добыча была слишком далеко, за пределами ее владений, когда-то давно и честно завоеванных в поединке.

Она свернула за угол, подумав, что вот тут ее владения кончаются и она только постоит на самом краю, а потом побежит назад, к другому краю, отсюда километрах в двух.

И тут ей в ноздри ударил настолько сильный запах добычи, что она остановилась, словно налетев на невидимую стену.

Самая лучшая – после человека – добыча: олень-великан!

Он стоял за киоском «Союзпечати», настороженно оглядываясь по сторонам и тревожно ловя ночной воздух, надеясь учуять опасность прежде, чем она учует его. Как бы не так.

Волчица скользнула в тень забора, перемахнула через брошенный и насквозь проржавевший велосипед, подкралась еще ближе, готовясь для единственного, неотвратимого, как нож гильотины, прыжка. И вновь остановилась, только сейчас сообразив, что олень – на чужой территории.

Вон он – рукой подать, а взять нельзя. Чужой. И остается только молиться, чтобы его что-нибудь спугнуло, и он рванул в нужную сторону, пересек условную, но точную границу. Ну же… Ну… чего ты медлишь? Того и гляди появится Рваное Ухо, хозяин соседской территории – тогда все, пиши пропало. А может, он уже сейчас подкрадывается к добыче и той осталось жить считанные секунды? Она снова понюхала воздух. Нет, Рваным Ухом пока не пахло.

Собственно, то, что олень убит на чужой территории, надо еще доказать.

А если попадешься? Нет, нельзя, слишком велик риск. Если попадешься… Оборотень ты или нет? В конце концов, должно тебе повезти? Эй, ты же всегда была правильным оборотнем и уважала закон. Сейчас ты повернешься и уйдешь, тихо-мирно уйдешь. Эта добыча не для тебя. Ну, давай же. Повернулась, пошла, пошла прочь отсюда. Эта добыча не твоя. Давай, уходи…

И все же она прыгнула. Она, наверное, не смогла бы объяснить, почему. Уже повернулась уходить, и в этот момент ее тело сжалось, как пружина, развернулось и прыгнуло. Волчица пожалела об этом еще в прыжке и даже попыталась извернуться в воздухе, но было поздно.

Она упала на спину оленя, и на полминуты все ее внимание сконцентрировалось на его горле, которое надо было разорвать, но только после того, как смертельно испуганный зверь окажется на ее территории.

Все, пора. Волчица вонзила клыки, и ее пасть наполнилась горячей, с солоноватым вкусом и сладким запахом, кровью. Олень начал падать, она едва успела спрыгнуть и, прокатившись по мостовой, услышала его предсмертный кашель. Вскочив, Катрин рванулась к оленю, чтобы напиться свежей крови, и тут из ближайшего подъезда выбрался Рваное Ухо и не спеша направился к ней.

Так, приехали.

Некоторое время они стояли друг против друга, ощетинившись и скаля клыки. Пять, десять минут. А потом Рваное Ухо повернулся, медленно-медленно потрусил вдоль по улице и, пока он не свернул за ближайший угол, вокруг была мертвая тишина, взорвавшаяся сразу, словно стремясь наверстать упущенное, воем ветра, далеким протяжным уханьем и разухабистой песней из «Общепита»:

Эх, да собирались бегемоты на войну,
На старинную клоповью сторону.
Подняли по всей округе ералаш,
Надевали дружно на нос патронташ.

Времени у нее оставалось никак не больше часа. Да и то, если повезет. Рваное Ухо вместе с двумя друзьями, которых он призовет по закону, мог быть и минут через пятнадцать.

Волчица оглянулась. Вон тот тупичок подойдет. Здесь им придется нападать по одному. Хотя, конечно, это не поможет.

Нет, если уж начала нарушать законы, надо делать это последовательно. Нельзя было упускать Рваное Ухо. Задала бы ему трепку прямо здесь. По крайней мере, были бы какие-то шансы его прикончить и тем самым закрыть дело. А теперь…

Волчица в который раз понюхала воздух. Нет, ничего опасного пока не появилось.

Она положила голову на лапы и задумалась.

Хорошо, я нарушила закон и жду неотвратимого наказания. А почему? Почему нельзя попробовать спастись? Но как? На земле ее обязательно выследят и убьют. Значит, нужно найти другой путь. Какой?

Она встала и, вернувшись в облик человека, бросилась к соседнему дому, на стене которого виднелась пожарная лестница…

Перепрыгнув на пятую крышу, Катрин злорадно подумала о том, какая морда будет у Рваного Уха, когда он не обнаружит ее там, где она должна быть.

Под ногами гремела кровельная жесть, сыпалась черепица, трещал шифер, а она бежала все дальше и дальше. Возле лозунга «Во главе с Верховным Предводителем, великим борцом за мир, вперед, к победе», она остановилась и, оторвав от него кусок материи, на котором случайно оказались буквы «ПО», намотала на тело. А потом нашла удобное место, легла на очередной крыше, спрятавшись за ее толстым парапетом и, благо ночь была теплая, мгновенно уснула.

Катрин проснулась в полдень. Внимательно огляделась по сторонам и убедилась, что опасности нет.

Она спустилась по водосточной трубе и, очутившись на небольшой кривоватой улице, прошла ее до конца. В конце улочки был скверик, в центре которого стояла скульптура «Девушка с ослом», своим растрескавшимся телом и отколотым носом олицетворяя всеобщее счастливое детство.

И тут навстречу ей с одной из скамеек встал Рваное Ухо. Он шел, неторопливо передвигая обтянутые джинсами «Бэби леви» ноги, потом сунул правую руку в карман, где у него был пружинный нож. И те двое, что шли за ним, сделали то же самое. Хорошо понимая, что теперь-то ей не уйти, волчица пожалела, что вчера не рискнула забежать в свое жилище и взять оружие. А еще она подумала, что от судьбы не уйдешь.

Захлопнув дверь бункера, Харлам подтянул пояс и забросил за спину рюкзак. Оглянувшись, он пошел вдоль по улице, жмурясь от утреннего солнца. А вокруг был город, словно появившийся из кошмара. Слепящие блики прыгали по позолоте православных церквей, по хрому и никелю супернебоскребов, отражались в броневых стеклах магазинов и начищенных до блеска медных фигурках в лавках старьевщиков.

Поглядев вверх, Харлам увидел парящего над городом дракона и усмехнулся.

Какой только нечисти, оказывается, не существовало в минувших веках: драконы, кентавры, русалки, оборотни, не говоря уже о домовых и прочих. И вся эта живность, проскользнув из прошлого, устроилась и расплодилась здесь. Нечисть! Он вспомнил русалку, которую видел третьего дня. Познакомиться бы с этой нечистью поближе, где-нибудь в интимной обстановке.

Он двигался вперед, все время приглядываясь и прислушиваясь к окружающему миру, стараясь предугадать момент, когда из-за поворота на него кинется саблезубый тигр или же сверху спикирует птеродактиль, раскрыв узкую, усаженную острыми зубами пасть и яростно сверкая маленькими красными глазками.

Но все было спокойно в этом утреннем, еще полусонном мире, где каждый громкий звук казался кощунством, где ночная роса еще блестела на траве скверов и на стволе «тигра», стоявшего прямо посередине улицы. Люк танка был открыт, и из него, как скворец из гнезда, вдруг высунулся индеец, потрясая томагавком. Закричал:

– Бледнолицый! Мой, Белый Бизон, сейчас будет твоя, поганый пес, немного скальп снимать, если ты не одаришь меня виски, порохом и добротными одеялами, без которых мой, Белый Бизон, неудобно спать в этой железной пещера.

Он величественно повел рукой и стал извлекать из люка палицу, лук, стрелы с костяными и каменными наконечниками, а также короткое копье.

Тратить патроны Харламу не хотелось, и он выстрелил всего лишь один раз. Пуля звонко щелкнула о броню танка.

– Вот ведь, черт, – сказал индеец, усаживаясь на край танка и доставая из кармана пачку «Кэмел». – А я-то надеялся, что у тебя кончились патроны. Хуг, всю жизнь не везет.

Он сплюнул и стал, неторопливо покуривая, рассматривать Харлама и его снаряжение.

– Слушай, парень, похоже, ты из двадцатого века?

– Ага, – сказал Харлам. – Я вообще снаружи, а там сейчас 98 год.

– Да уж, – покрутил головой индеец. – А я, когда эта штука случилась, жил в 89 – м и учился в Оксфорде. А теперь приходится вот чем заниматься. Лучше всего, конечно, маскарад действует на тех, кто жил в начале двадцатого века. Тогда как раз зачитывались всеми этими Куперами, Сальгари, Хаггартами.

– А может, тебе махнуть через границу – наружу! – предложил Харлам. – За девять лет мир не изменился.

– А, только стал еще пакостнее, – махнул рукой индеец. – Что там хорошего? Инфляция, гангстеры, наркотики, смог. А здесь я сам себе хозяин! Тут неподалеку есть кусок прерии, на котором живут человек сорок чайенов и штук двести бизонов. Представляешь, настоящих бизонов! Нет, такое бросать нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.